

Давыдова Марина Юрьевна

**РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/12/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 12 (43). С. 11-13. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

6. **Налбандьян М. А.** Развитие ценностных ориентаций молодежи в процессе социально-эстетического воспитания // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: тезисы докладов III Международного конгресса 18-21 сентября 2001 г. Пятигорск, 2001.
7. **Сластенин В. А., Чижакова Г. И.** Введение в педагогическую аксиологию. М.: Академия, 2003.
8. **www.yspu.yar.ru**

УДК 27-879(470.44)

Марина Юрьевна Давыдова

Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

РЕЛИГИОЗНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ[©]

Мировосприятие многомиллионного населения Российской империи не могло уложиться в рамки официального православия. Различные события религиозного, общественно-политического и социально-экономического характера побуждали общественную мысль к созданию оппозиционных ему направлений. Это проявилось в частности в расколе православной церкви в середине XVII века и развитии старообрядчества - массового религиозно-общественного движения, характеризующегося сохранением приверженности дониконовскому порядку богослужения и обряды.

Рассматривая старообрядчество как раскол, потрясший религиозную жизнь русского народа и подорвавший его духовное единство, власти поставили его вне закона. При Петре I оно получило статус терпимого, но лишенного привилегий, исповедания. В последующем шел процесс постепенного наделяния староверов гражданскими и религиозными правами. В частности по закону 1883 г. старообрядцам разрешалось занимать общественные должности, получать паспорта на общих основаниях, совершать богослужения в молельных и часовнях. Но лишь в 1905 г. они были уравнены в правах с представителями других неправославных христианских конфессий.

К началу XX века по абсолютной численности «старообрядцев и уклоняющихся от православия» среди губерний Европейской России Саратовская (113 710 чел.) занимала 3-е место после Пермской (218 396 чел.) и Области Войска Донского (130 450 чел.). По показателю их удельного веса в населении (4,7%) она стояла на 5-м месте [15, с. 4-5, 16-17]. В целом старообрядцы составляли лишь 1,75% населения империи (2 204 594 чел.); 1,9% населения Европейской России (1 754 806 чел.) и 3% населения Поволжья (440 150 чел.). Следовательно, Саратовская губерния относилась к числу регионов, где старообрядчество было значительно распространено.

Анализ широкого круга источников позволил сделать вывод о значительном увеличении (в 5 раз) численности «старообрядцев и уклоняющихся от православия» в губернии с 1861 г. (25 647 чел.) по 1904 г. (128 012 чел.) и о повышении (на 3%) их удельного веса в населении [12; 13]. Эти цифры значительно превосходят аналогичные показатели у всех других конфессий губернии.

Проведенное исследование позволяет реконструировать основные принципы старообрядческой религиозной организации в рассматриваемый период. Она, с одной стороны, имела генетическую связь с церковной организацией православной церкви, а с другой, отличалась особым строем, который был выработан в связи с нелегальным или полунелегальным существованием общин, стремлением к изоляции и особенностями вероучения отдельных старообрядческих толков. Основным институтом староверов была религиозная община, объединявшая старообрядцев одного толка в определенной местности. Опорными базами формирования общин являлись скиты и молельни. В Саратовской губернии в изучаемый период существование скитов отмечено лишь в урочище Черемшаны близ Хвалынского. Значение их в жизни старообрядчества было преимущественно локальным. Действовавшие в конце XVIII - первой половине XIX вв. скиты Костромской, Нижегородской, Саратовской губерний, воспринимавшиеся старообрядцами как оплоты «древнего благочестия», во второй половине XIX в. пришли в упадок. Поэтому центрами объединения, духовного общения и религиозной жизни староверов стали молельни.

В 1867 г. в губернии насчитывалось лишь 11 деревянных раскольничьих молелен (4 - в Хвалынском уезде, 2 - в городе Хвалынске, 2 - в Кузнецком уезде и по одной в Саратовском, Сердобском уездах и городе Вольске) [7]. В отчетах Саратовского губернского статистического комитета за 1878 год значится лишь 3 молельни [6]. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что помещения для молитв существовали во всех селениях со старообрядческим населением. До 1883 г. староверы молились тайком, их молельни располагались на задних дворах, в землянках. В то же время обнаружены сведения о существовании в местностях со значительным старообрядческим населением довольно больших молелен: Покровская в селе Жирное, Космодианская, Горинская, Уваровская [1, с. 157; 8, с. 415].

После 1883 г. число старообрядческих молелен в губернии возросло. В 90-х годах действовало 11 каменных и 44 деревянных церкви [14]. К 1904 г. их число увеличилось до 70 [13]. Однако по-прежнему преобладали молельни в частных домах, организованные по инициативе владельцев для членов семьи и односельчан-одноверцев. Богослужения в них были нерегулярны.

Одним из главных принципов построения и организации старообрядческих общин была прочная связь между общинами одного толка, их тесное взаимодействие, признание над собой главенства наиболее авторитетного центра в своем регионе и в целом в России. Постоянный контакт выражался в духовном общении и в финансовой помощи. Особо следует выделить такое направление контактов, как проезд наставников для исполнения треб и вероучения, что не позволяло «старой вере» прерваться даже в тех селениях, где число староверов по отношению к православному населению было невелико. Большую роль в организации староверческой общины и в ее функционировании играло духовенство. Старообрядческие «лжепопы», «беглые попы», наставники, начетники, уставщики, по замечанию православных священников, не только «исправляют у раскольников и уклоняющихся от православия разные требы и общественные богослужения», но и «учат крестьянских детей грамоте в духе раскола», «собирают крестьян в свои дома и читают раскольнические сочинения и объясняют по-своему учение Св. Отцов и канонические правила» [4].

В Саратовской духовной консистории по сведениям миссионеров составлялись списки лиц, «имеющих сильное влияние на поддержание и распространение раскола», за ними устанавливалось «особое наблюдение» полиции. В одном из подобных списков наставниками и уставщиками раскола в Саратове названы купец К. С. Ретюкин, мещане П. И. Винокуров и И. И. Абачин [3]. В конце XIX в. известным саратовским начетником был И. С. Рыдаев. Обучение и воспитание приверженца «старой веры» проходило в семье под руководством старших родственников и образованных людей из круга общения и путем самообразования. Старообрядческие общины организовывали свои неофициальные школы с преподаванием основ чтения, письма, арифметики, крюкового пения. Так, в Саратове с 1874 по 1883 год действовало беспоповское старообрядческое училище. В нем обучалось до 60-ти детей, преподавались Закон Божий, чтение, письмо, счет [5]. В изучаемый период староверы во многом поступились своей отчужденностью от внешнего мира. Это проявлялось в частности в том, что раскольники посылали своих детей в православные учебные заведения, при этом заявляя: «Если чему-нибудь вас научат не по-нашему, мы переучим». По наблюдениям исследователей крестьянского быта XIX в., среди староверов грамотных было больше, чем среди православных, что подтверждают и данные переписи 1897 г. Так, грамотность среди «старообрядцев и уклоняющихся от православия» составляла 26,6%, а среди православных и единоверцев лишь 19,9% А. С. Пругавин заявлял, что «значительная часть русского крестьянства обязана расколу своей грамотностью».

Деятельность старообрядцев не была замкнута рамками своей конфессиональной общности. Староверы, православные, последователи других вероисповеданий и сект принадлежали к одной сельской общине. Помимо хозяйственных контактов, между ними существовали еще и соседские, родственные связи. Как известно, в народной среде долгое время сохранялось отношение к старообрядчеству как к истинной гонимой религии. Староверы со своей стороны также не были враждебно настроены к православному окружению. Имевшие место разногласия в большинстве случаев происходили вследствие обсуждения исключительно религиозных вопросов.

Для Саратовской губернии одной из наиболее острых была проблема перехода в старообрядчество православных, что нашло отражение в отчетах приходских священников и рапортах уездных исправников. Автором установлен ряд наиболее распространенных причин, способствовавших переходу в раскол: желание возвратиться к утраченной вере предков, давление со стороны старообрядческого окружения, трудная жизненная ситуация (старость, вдовство, тяжелая болезнь). Немаловажное значение имела истовость богослужения в старообрядческих молельных. Это зачастую ярко контрастировало с недостойным поведением некоторых православных священников и пренебрежением ими своими обязанностями. Способствовал переходу и ораторский талант начетников. Традиции взаимопомощи, благотворительности, широко распространенные в старообрядческой среде, привлекали в него неимущих и нуждающихся в материальной поддержке. Автором установлены факты массовых переходов из православия в старообрядчество на протяжении всего пореформенного периода [2].

В целом для старообрядчества Саратовской губернии характерна высокая динамика роста численности конфессии и значительное повышение ее удельного веса в населении. Среди причин столь высокой популярности старообрядчества установлены давние традиции его утверждения в регионе, близость Области Войска Донского, отличавшейся активностью оппозиционных православию движений, неблагоприятное социально-экономическое положение основной массы населения, что делало ее особенно восприимчивой к разного рода пропаганде. Старообрядчество было распространено по всей губернии. В то же время существовали отдельные местности с преобладающим раскольническим населением, но полностью старообрядческих приходов не было. Староверы жили, как правило, совместно с православными. Несмотря на неравное положение с другими конфессиями религиозные организации, созданные староверами в губернии, обеспечивали достаточную полноту религиозной жизни своих последователей и способствовали дальнейшему развитию данной конфессиональной группы.

Список литературы

1. **Валеев В.** Из истории саратовских церквей: кр. ил. справ. Саратов, 1990.
2. **Государственный архив Волгоградской области.** Ф. 242. Оп. 1. Д. 251.
3. **Государственный архив Саратовской области (ГАСО).** Ф. 1. Оп. 1. Д. 1551. Л. 1-2 об.
4. **ГАСО.** Ф. 1. Оп. 1. Д. 1901. Л. 5.
5. **Там же.** Ф. 135. Оп. 1. Д. 3302. Л. 1-2, 5, 15.
6. **Там же.** Ф. 421. Оп. 1. Д. 303. Л. 36.
7. **Там же.** Ф. 421. Оп. 1. Д. 5393. Л. 22-23.
8. **Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке:** сб. док. и мат-лов: каталог культовых зданий / сост. О. Ю. Редькина, Т. А. Савина; под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград: Издатель, 2002.
9. **Ершова О. П.** Старообрядчество и государственная политика России в области вероисповедания во второй половине XIX - начале XX вв.: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2000.
10. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.** / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. XXXVIII. Саратовская губерния.
11. **Прокофьева Н. В.** Старообрядчество Верхнего Поволжья в конце XVIII - начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001.
12. **Российский государственный исторический архив.** Ф. 796. Оп. 442. Д. 72. Л. 27.11.
13. **Статистический обзор Саратовской губернии за 1903 г.** Саратов, 1904. Вед. 17.
14. **Статистический обзор Саратовской губернии с отчетом ГСК за 1894 г.** Саратов, 1895. Вед. 18.
15. **Статистический справочник.** Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым Европейским государствам. СПб., 1906. Вып. 1.

УДК 001

*Лиана Инсафовна Дьяченко**Набережночелнинский филиал Института экономики управления и права, г. Казань*ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА СТАРОСТИ[©]

По-философски широкомасштабное, метапредметное видение старости образует общеметодологическое основание, отталкиваясь от которого, частные геронтологические дисциплины могут корректно интегрировать свои исследовательские усилия по изучению феномена старости.

Отсюда становится понятным, что дефиниция старости через некий онтогенетический период, измеряемый возрастом, является весьма ограниченной. Она нуждается в обязательном дополнении определением старости с социально-философских позиций, и здесь мы разделяем позицию, согласно которой, «старость человека - это последний период его социального бытия, в котором происходят сущностные изменения с человеком, ведущие к снижению социальной активности личности, изменению ценностных ориентиров в сознании, возникновению глубокой предрасположенности к логико-созерцательному осмыслению содержания важнейших аспектов социального бытия, что ведет к более рациональному использованию физического и духовного потенциала, присущего индивидууму, при достижении им социально-значимых целей» [2, с. 5].

Философский дискурс старости призван вычленять такие аспекты, которые не поддаются строго научному анализу точных и естественных наук, но, тем не менее, являются логически обоснованными и жизненно необходимыми. Весьма убедительно, хотя и иносказательно, об этом в свое время высказался Кант. Философия, по его словам, является той «...универсальной медициной, которая, правда, не излечивает всех от всего, но необходимо должна присутствовать в каждом лечении» [3, с. 298].

Приведем в этой связи лишь один пример значимости философской рефлексии в отношении современных достижений научной геронтологии.

Возникновение и развитие геронтологии, происходившее в тесной связи с прогрессом биологии и медицины, было обусловлено, прежде всего, потребностью увеличить продолжительность жизни людей. Еще в 1975 г. в «Третьем обзоре достижений и широкого применения крупных технологических открытий» ученые предсказали, что к 2000 г. или значительно раньше в области науки произойдут события, которые значительно продвинут продолжительность жизни человека. В частности, «создадут искусственный орган зрения для слепых», «достижения молекулярной инженерии позволят осуществлять управление некоторыми наследственными признаками», «со старостью можно будет эффективно бороться при помощи химических и фармакологических средств», «будет разработана гениальная инженерия». Кроме того, учеными был предсказан так называемый «синергический эффект». «Смысл его в том, что одно отдаляющее старость и продлевающее жизнь открытие позволит человеку дожить до следующего открытия, которое еще больше продлит его жизнь» [5, с. 12-13].

Конечно, не все прогнозы ученых сбылись, от некоторых идей пришлось отказаться. И все же многое из того, что не так давно казалось фантастикой, стало повседневной реальностью.